

КОНФЛИКТ МЕНТАЛИТЕТОВ В ЖЕНСКОЙ УРАЛЬСКОЙ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ШКОЛЬНОЙ СРЕДЕ В 1920-е – СЕРЕДИНЕ 1930-х гг.

В. А. Журавлева¹, М. И. Мирошниченко², Н. П. Палецких³, В. С. Толстиков⁴

¹ Южно-Уральский государственный университет, филиал в г. Златоусте, Российская Федерация

² Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

³ Южно-Уральский государственный аграрный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

⁴ Челябинский государственный институт культуры, г. Челябинск, Российская Федерация

В статье рассматриваются особенности менталитета различных категорий женщин в уральской провинции, связанных со школьной средой. Установлено, что в самое свободное первое пятнадцатилетие советской власти (в 1917–1932 гг.) на его первом – после окончания Гражданской войны – этапе мирного времени (1921–1927 гг.) наряду с создаваемыми новыми школами продолжали функционировать прежние типы школ (старообрядческие, казачьи, толстовские, мусульманские, меннонитские и т. п.), в которых учебный процесс был организован по-старому. Выявлены несколько групп в среде учительниц, родителей, школьников, представители которых отстаивали свои интересы в условиях проявления тенденции к универсализации образования, включения в учительский труд и школьную жизнь общественной работы, которую они рассматривали либо как средство проведения принципиально неприемлемых идей, либо как излишнее обременение. На втором этапе (с 1928 по 1932 гг.) эти тенденции в образовании усиливались, от учителей все настойчивее требовалось активное участие в агитационной, пропагандистской и другой общественной работе. Делается вывод, что подобные протестные настроения и действия против вмешательства пролетарского государства не были частыми, однако и не составляли исключения, представляя собой несоветский дискурс социально значимого поведения.

Ключевые слова: история ментальностей, менталитет, «красное учительство», «толстовки», «интеллигентки».

Введение

Интересная сама по себе проблематика исторических изменений содержания и структуры ментальностей получает все большую актуальность в связи с тем, что информационно-психологические войны становятся неотъемлемым признаком современной политической жизни. Почти сорок лет, отделяющих нас от времен ортодоксального социализма, принесли с собой не только глубокие социально-экономические и политические преобразования в жизнь советских поколений, но и кардинально изменили представления о мире и базовые ценности молодежи и людей среднего возраста постсоветской эпохи. Поэтому история формирования сознания, история изменения структуры сознания, попыток и результатов воздействия на него все больше привлекает внимание исследователей, и не только философов, филологов, социологов и историков-методологов, но и авторов прикладных исторических исследований.

Мы понимаем менталитет как совокупность фундаментальных (базовых) ценностей и механизмов поведения, воспринятых личностью в процессе воспитания. В настоящее время возвращается интерес к советскому периоду истории России, происходит новая «переоценка ценностей», стоит задача укрепления единства российского общества. В этих условиях важно понять, как форми-

валось единство советского общества, важно проследить, как проявлялась «несоветскость» в противостоянии с «советскостью» в обществе, изначально не бывшем монолитным. Ведь в первое пятнадцатилетие новой власти, власти трудящихся, советское общество именовалось так не столько по числу сторонников, разделявших советские идеи, сколько по ведущей роли пассионариев, а также – в широком смысле – по названию периода, в котором для большинства населения в силу форсе мажор и ряда отдельных причин (различных в каждом конкретном случае) существовавшее положение сложилось именно таким образом, а не иначе.

Обзор литературы

Сознание представителей отдельных слоев населения, живших в 1920-е – начале 1930-х гг., в рамках такого относительно нового направления исторического познания, как история ментальностей, пока еще мало изучено. Историков ментальности привлекал в первую очередь человек Средневековья, и труды корифеев-методологов ментальной истории Марка Блока [1], Люсьена Февра [2], Петера Динцельбахера [3], Р. Sprandel [4], А. Я. Гуревича [5, 6], Л. Н. Пушкарева [7] и др. связаны с реконструкцией сознания и механизмов поведения людей именно этого исторического периода. Историкографических фактов в этой области было накоплено столько, что

уровень исторического познания поднялся до историографических исследований [8].

Как объект когнитивного анализа категория менталитета привлекает широкое внимание филологов. Они изучают сущность и особенности формирования менталитета [9]; содержание и роль ценностных ориентаций в структуре менталитетов этнических общностей [10]; бессознательное в структуре менталитета [11]. Филологи, изучая женский нарратив, реконструируют специфическую модель женского восприятия [12, с. 106].

Выделяя наличие общих мотивов, стабильность композиционных схем наряду с общим характером колористических разработок, к проблемам ментальности обращаются искусствоведы [13, с. 67–68].

Со второй половины 1990-х гг. интерес российских историков, активно включившихся в изучение представлений, структур мышления, коллективного бессознательного, постепенно начинает распространяться и на соотечественников эпохи Нового времени (в первую очередь из среды горожан [14], особенно купечества и предпринимателей [15]; интеллигенции [16, 17]). Прямо называет предмет своего исследования менталитет народных учительниц и учителей в 90-е гг. XIX в. – 1914 г. Н. В. Бандура, он рассматривает эту проблему в региональном аспекте на примере Вятской губернии [18]. Ю. И. Кирьянов изучает особенности менталитета рабочих этого периода [19].

Постепенно в зону исследований попадает не только рубеж XIX – XX вв., но и советский этап, в том числе его первые десятилетия. А. В. Богданов на материалах крупнейших промышленных гигантов Урала (Челябинского тракторного завода и Магнитогорского металлургического комбината) рассматривает особенности восприятия иностранными рабочими и специалистами советской повседневности 1929–1933 гг. [20]. Анализ когнитивной составляющей менталитета, эмоциональных и поведенческих реакций населения Урала в послевоенный период позволяет отнести к группе исследований по истории ментальности работы А. В. Трофимова и А. Н. Сперанской [21, 22].

Переломный период начального этапа советского строительства был отмечен преодолением послевоенного хаоса, развертыванием масштабного промышленного строительства, радикальными преобразованиями в сельском хозяйстве. Советское общество только еще формировалось, оно не было единым, оставались «осколки старого мира», еще не смирившиеся с тем, что они «осколки», ещё отстаивающие свои взгляды, убеждения, право передавать свои убеждения детям из среды единомышленников – и это представляет интерес и с позиций истории ментальности. Кто они, советские и несоветские женщины ранней советской эпохи? Какие они? Как они реагировали на глубокие реформации, резко изменявшие их жизнь? Задача статьи – выявить особенности менталитетов

различных категорий женщин в уральской провинции, связанных со школьной средой; показать на примере относительно узкой, но важной с точки зрения формирования взглядов на мир сферы школьной жизни сложность, многогранность, противоречивость умонастроений, склада мышления участников и свидетелей становления советской эпохи.

Основу источниковой базы статьи составили документы советских органов (материалы исполнительных комитетов и съездов советов; докладные записки и отчеты исполнительных комитетов сельских советов), отложившиеся в ведущих архивохранилищах Урала (Государственном архиве Свердловской области, Центре документации общественных организаций Свердловской области, Объединенном государственном архиве Челябинской области, Государственном архиве Курганской области). Были проанализированы также материалы периодической печати, публицистические труды, воспоминания.

Методы исследования

Теоретико-методологическую основу статьи составили методологический потенциал истории повседневности, истории ментальностей и системный подход, в котором основное внимание уделено связям между элементами, взаимоотношениям между людьми. Это позволяет показать столкновение особенностей склада мышления представительниц различных социальных групп, возникших на основе различных «моделей мира». Мы разделяем мнение А. П. Огурцова о том, что менталитет выражает также умонастроение социальных групп, что определяет его регулируемую роль в поведении индивида [23]. Своеобразие толкований действительности предопределило конфликт ментальностей, ярко выявившийся в процессе формирования единой начальной и средней советской школы.

Результаты и дискуссия

В первые десятилетия советского периода учительство не было единым. Часть учителей, в том числе и на Урале, не приняли советскую власть и отступили с белыми, эмигрировали. К примеру, в Полозовской волости Сарапульского уезда учительский персонал ушел с белыми, на 21 августа 1919 г. в волости осталось всего два учителя [24, с. 199].

Изменилась институциональная среда. Ранее в крупных поселках оренбургских казаков имелись мужская и женская казачьи школы [25]. Женская школа для нагайбаков (полубайкалинцев) была до революции на одном из хуторов в районе их проживания на Южном Урале [26, с. 375]. Позиции учительства зависели во многом от личного опыта. Н. К. Крупская упоминала о встрече летом 1919 г. на Урале с молодой девушкой, мать которой – учительница – была засечена белогвардейцами [27, с. 9].

Среди оставшихся в Советской России учителей наиболее четко выделяются группы «красных учителей», интеллигентов, толстовок. Понимая роль учительства в стране, где, по данным на 1920 г., неграмотными были 52,2 % мужчин и 74,2 % женщин, советская власть через курсовую систему приступила к подготовке «красных учителей». В 1918 г. такие курсы были организованы в селах Уральской области. Выпускники ценились высоко. Например, после окончания подобных курсов в Лопатках (крупном селе Курганского уезда) в 1919 г. Ирина Алексеевна Савишук была направлена окружным отделом народного образования сразу директором начальной школы в деревню Александровка Курганского уезда, где она проработала до 1923 г., одновременно проводя и занятия с детьми [28, л. 1]. Первые четырехмесячные педагогические курсы в г. Кургане прослушала А. С. Белых-Гаврилова (1903 г. р., из села Иковского Белозерского района Курганской области). Она пришла на курсы, не только имея хорошее образование (окончила Иковскую начальную школу, потом Падеринское двухклассное училище, затем семиклассное Курганское смешанное высше-начальное училище), но и свои убеждения. Когда в 1920 г. в селе Иковском организовали комсомольскую ячейку, она не только вступила в нее, но и была секретарем. А. С. Белых-Гаврилова получила диплом первых красных учителей. Ее послали в село Спорное Саломатовской волости. Как вспоминала А. С. Белых-Гаврилова, хозяйка квартиры в Кургане и другие женщины смотрели на нее и смеялись, считали, что из-за одежды (одета не по-городскому) и по возрасту («девчонка») она никакая не учительница [29, л. 3 об.]. Здесь сыграл свою роль образ учительницы-народницы, сложившийся в сознании сельчан к началу XX века. Учительницы-народницы были взрослыми женщинами из интеллигентной среды, с иными манерами, с кружевными платочками в рукаве. И в сознании крестьян они стояли выше, а не наравне или ниже, как могло показаться по первому впечатлению – встречают по одежке – в случае с А. С. Белых-Гавриловой. В октябре 1921 г. был проведен прием слушателей на педагогические курсы в Ирбитском уезде [30, л. 13]. Подобные курсы, а с 1925 г. курсы по переподготовке, стали организовываться и в дальнейшем. Месячные курсы по переподготовке учителей работали с 1 августа по 1 сентября 1926 г в Челябинском округе [31, л. 189 об.].

Просоветски настроенная молодежь работала в сложных условиях, но с огромным энтузиазмом. Так, в первой школе на три класса (для детей от 10 до 15 лет), которая была открыта в селе Спорном в крестьянской избе, не было книг, бумаги, чернил, парты насобирали разновеликие, помещение освещалось коптилкой. Но А. С. Белых-Гаврилова

занималась «упорно и с великим желанием». Работа учителем в уральской провинции в то время была опасной. Во вспыхивавших кулацких восстаниях (как, например, в начале 1920-х гг. в Саломатовской волости) учительницы – как одиночки и как комсомолки и коммунистки – входили в число первых целей [29, л. 3–3 об., 5].

Учителя («очутили»), как их называли некоторые крестьяне) оказались одной из наиболее уязвимых социальных групп в условиях голода начала 1920-х гг. Вопрос о школьном и учительском питании часто решался путем коллективного засева огорода для школьных нужд. Проблемы снабжения продовольствием учителей («учителей») рассматривались на женских собраниях. Так, эту проблему подняло первое же женское собрание в Бакальском поселке 24 декабря 1920 г. с участием 64 женщин [32, л. 11].

В 1921 г. родители школы деревни Катавки Бакальского уезда Саткинской волости в марте 1921 г. были недовольны не только тем, что в школе нет горячей пищи (горячих завтраков), так как не было котлов, но и тем, что детей заставляли мыть пол, что было признано недопустимым и было единжды по болезни технички [33, л. 29 об.].

Особенно тяжелое положение сложилось в первой декаде 1922 г. Традиционно учителей кормило городское или деревенское «общество», хозяева той избы, куда учителя определялись на постой. Но в условиях голода еды не было и у самих хозяев. На Западном Урале – в Верхотурском уезде Екатеринбургской губернии – учителя в уездном центре нищенствовали, вынуждены были побираться, чтобы не умереть с голоду, а в других уездах этой губернии ученики по очереди выходили на улицу просить милостыню для учителей. В годы «военного коммунизма» практиковалось также прикрепление учителей к заводам, но переход на хозрасчет с введением НЭПа с марта 1921 г. затруднял эту практику [30, л. 38]. В октябре–марте 1922 г. в уездах было проведено деление на волости, снятые с государственного снабжения, и волости, находившиеся на государственном снабжении. В 1922 г. в связи с неурожаем в Ирбитском, Красноуфимском, Камышловском уездах, Каменск-Уральске, Надеждинске, Нижнем Тагиле, Шадринске проводилось сокращение учителей. При увольнении был положен паек, но его уволенному персоналу не выдавали. Закрытие школ вызвало недовольство граждан. Во многих местах не был создан фонд для работников просвещения. Такой фонд создавался самообложением. В Екатеринбургском и ряде других уездов самообложение было проведено неправильно, разверстка была разложена не на всех трудящихся, а только на родителей, посылавших своих детей в школу. В Ирбитском уезде фонд, собранный для работников просвещения, был расхищен волисполкомом на другие надобности. Бы-

ли случаи халатности, например, председатель Фоминского волысполкома Ирбитского уезда Буданов сорвал кампанию по самообложению, в этой волости школы закрывались. Неоднократные обращения учителей в уездный отдел народного образования результатов не давали. В конечном итоге одна учительница сошла с ума, остальные нищенствовали, это дело было передано в народный суд Ирбитского уезда [30, л. 42].

25 марта 1923 г. общим собранием женщин поселка Каракульского с участием 60 чел. при обсуждении вопроса о засева «огорода школьных нужд» было решено отдельного участка не засевать, а передать для школы часть овощей с собственных огородов [34, л. 43 об.]. В 1926 г. в одной из школ Свердловского округа учительница жаловалась на то, что школе мало отпускалось дров, в классах холодно: форточки не закрываются, двери не обиты и не оклеены [35, с. 13]. Положение учителей еще долго оставалось тяжелым. Так, две учительницы Верхне-Куренской средней школы за неимением другой обуви в ноябре 1935 г. вышли на занятия в одних резиновых калошах [31, л. 49].

«Красным» учителям приходилось преодолевать впечатления о старой школе, оставшиеся разными. Как вспоминала Екатерина Григорьевна Лагун-Неустроева: «Мама насильно тянула меня за руку в школу. Я боялась школы. Сестра сказала, что в школе учитель бьет смьком по голове. Ставит в угол на горох. Что священник очень строгий, если не выучишь молитву, ставит на колени и заставляет молиться, кланяться до пола». В 1923 г. в этой школе она вступила в пионеры [36, л. 8, 9, 13 об.]. Поддержку советской власти оказывали учительницы из среды бывших ссыльных. Такой была Лидия Андреевна Галанова (1876–1956 гг.) родом из села Заинское Мензелинского уезда Уфимской губернии (ныне Сарапульский район Удмуртской Республики). Она работала учительницей в женской гимназии Мензелинска в 1898–1903 гг., в 1903–1905 гг. училась на Высших женских курсах в Москве, в 1905 г. за участие в студенческих волнениях была выслана в Уфу под надзор полиции. С 1918 г. (по 1939 г.) Л. А. Галанова была директором школы № 11 г. Уфы, в 1922 г. она получила нововведенное почетное звание Героя Труда Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики [37, с. 220].

Особыми были настроения в среде «интеллигенток» – так в 1920-е гг. называли аполитично или антисоветски настроенных учительниц, выпускниц гимназий. Некоторые из них не хотели учить соплятых, оборванных, голодных детей рабочих, солдатских сирот [36, л. 8, 9, 13 об.]. К тому же среди школьников были широко распространены инфекционные заболевания, особенно такое опасное, как туберкулез, который, по данным 1923 г., был отмечен медиками у 50 % детей младшего возраста и подростков до пятнадцати лет [38].

На собрании организаторов от губернских отделов профессиональных союзов 4 марта 1921 г., на котором обсуждался вопрос о подготовке губернской конференции 20 марта 1921 г. и выборе на нее 7 делегаток от Союза работников просвещения, отмечалось, что «женщины интеллигентные несерьезно относятся к собраниям» [39, л. 7 об.]. Эти настроения были связаны также и с тем, что дополнительной нагрузкой легла на учителей общественная работа.

Общественной работой стали нагружаться не только учителя, но и врачи и библиотекари. Не всеми это было воспринято однозначно. Вопросы обсуждались на страницах газет, профессиональных журналов, на трибунах региональных съездов. Так, в 1922 г. в Челябинске состоялся очередной губернский съезд учителей. На съезде три делегата от Златоустовского уезда (Т. А. Борисова, Н. С. Жмаев и А. А. Дрочнева) открыто проголосовали против ряда его решений. Эти события были восприняты не как высказывание личного мнения, а как организованное оппозиционное выступление против советской власти, за которое осенью 1922 г. все трое выступавших стали «лишенцами». «Оппозиционеры» не смирились и обратились в Профессиональный союз работников просвещения РСФСР за защитой своих прав. Они выступили и на общем собрании членов профсоюза и опротестовали решение. Дискуссия проходила бурно, большинство участников собрания потребовали удалить «оппозиционеров» с собрания. Во время выдворения Т. А. Борисова, Н. С. Жмаев и А. А. Дрочнева призывали остальных учителей также покинуть собрание в знак протеста. Горячая молодежь расценила эти действия как бесчинства и антисоветские выступления. На своевольных делегатов было заведено уголовное дело. Однако решение для большинства стало неожиданным – по суду в связи с отсутствием общественной опасности деяния избирательные права «оппозиционерам» были возвращены [40, л. 1]. Такие оправдательные приговоры народных судов были типичны для первой половины 1920-х гг., кампания по поиску «врагов народа» еще не развернулась и суды выступали еще объективно.

Но тенденция к загрузке учителей общественной работой усиливалась. Так, в декабре 1923 г. граждане деревни Коутино Бродокалмакской волости на общем собрании, посвященном осуждению самогонщиков, попросили местную учительницу устраивать в школе по воскресеньям чтения [41]. В 1923 г. 8 ноября школьники села Вильгорт под руководством учителей послали телеграмму В. И. Ленину с пожеланием скорейшего выздоровления [42]. Общей практикой становилась подготовка к празднованию 7 Ноября: школы украшались флажками, ветками березы или хвойных деревьев, строились арки, учительницы готовили с детьми стихотворные речовки, монтажи, декламации и проч.

Иногда выявлялись противоречия между женотделом и учительством. К примеру, в Кунгурском окружном отделе по женской работе в феврале 1925 г. высказывались сомнения в возможности вести через учительство работу среди женщин-нацменок в связи с решением духовенства о допущении мусульманок в мечеть, поскольку некоторые коммунистки учителям не доверяли [43, л. 9].

Требование привлечь учительниц к организации делегатской работы, к женской работе было выдвинуто на Первом Верхне-Камском окружном съезде женщин-выдвиженок, избранных депутатами городских и сельских советов, который состоялся в начале октября 1927 г. в окружном центре Верхне-Камского округа г. Усолье [44, л. 15 об.].

В результате учительство оказалось между двух огней. Характерна в этом отношении ситуация, отмеченная в газете «Советская правда»: в станицах Долгодеревенского района население было недовольно учителями за новшества, которые они вводят в школе, а местные власти – за «реакционность». Учителя оказались между двух огней: они вели и учебную работу, и общественную работу, но все равно выслушивали недовольство со всех сторон. Начавшаяся борьба с церковью привела к поискам священников в родне учительниц (половина которых по социальному происхождению были выходцами из семей духовенства), даже встречи с родителями священниками трактовались как «влияние церкви». Любая, даже опосредованная связь с церковью (например, учитель работал псаломщиком в голодный год) считалась «контрреволюционностью». Требование уволить учительниц из семей священников могло привести к оголению школ. В заметке в поддержку учительниц из среды духовенства, опубликованной в газете «Советская правда» в 1923 г., подчеркивалось, что при принятии решений об увольнении учительниц – родственниц духовных лиц исполнительным комитетам сельских и станичных советов и волостным комитетам ВКП(б) следует смотреть по делам, а не по родству, что других, «чистых», учительниц нигде не найти [41]. В Челябинском округе также вставал вопрос о нежелании учителей выполнять общественные поручения. Здесь на первом окружном форуме работниц и крестьянок, который проходил в начале октября 1927 г., отмечалось вновь: «Учителя мало ведут общественную работу, “Хочу работаю, хочу нет”» [45, л. 18].

Многие школы были совсем небольшими. К примеру, на станции Анатольская в школе, открытой в 1924 г., по данным всесоюзной переписи учащихся 1928 г., училось 67 человек [46, с. 93]. Учительские коллективы в таких школах были невелики и формировались в основном уже новыми учителями, прошедшими подготовку через советские учительские курсы. Всегда оставались актуальными проблемы дисциплины. Как указы-

валось на III окружном съезде Советов Свердловского округа, который проходил в 1926 г., трудности в школьной работе, в общении с учащимися нередко испытывали учителя «старой закваски», которые не могли направить учеников «по новому пути» [35, с. 13].

Особую группу населения составляли толстовцы, последователи учения о непротавлении злу насилем Л. Н. Толстого. В созданных по стране, и в том числе на Урале, толстовских коммунах открывались свои, толстовские, школы. Учительницы-толстовки разделяли идеи безгосударственного коммунизма; осуждая войну, поддерживали отказ от несения воинской повинности. Из «непротавленцев злу насилем» они превратились в «протавленцев злу», но «злом» теперь воспринимались идеи классовой борьбы. Толстовские школы работали на Урале до 1930 г., в 1930 г. толстовцы вынуждены были переселиться в Сибирь. Так, группы уральских толстовцев образовали артель «Мирный пахарь», а после 1931 г. пополняли и толстовскую коммуну «Жизнь и труд». В советскую школу своих детей «протавленцы злу» не пускали, обучали их в собственных школах, где был урок этики и морали, но не было обществоведения, советские учебники трактовались по-своему. В декабре 1935 г. была обследована школа (на 111 детей от 9 до 18 лет, которые учились в 7 классах), работавшая при толстовской коммуне «Жизнь и труд». Учительницы-толстовки открыто заявляли проверяющим, что советские учебники требуют воспитывать в учениках классовую ненависть: «Вы сеете вражду среди людей, а мы против всякой ненависти и вражды. От вашего воспитания у детей глаза горят злобой к ближнему, презрением». Дети в семьях толстовцев, как и их родители, были настроены против пионерского и комсомольского движения. Они ясно осознавали свою обособленность, также прямо заявляя об этом проверяющим [47]. В 1930-е гг. школы, не придерживавшиеся общих рекомендаций власти, постепенно закрывались.

В практике работы новой школы наблюдались как дискриминация пролетарскими учителями учащихся из непролетарских слоев, так и случаи унижения «буржуазными учителями» детей из бедных рабочих и крестьянских семей [48, с. 205–208]. Вне какой-либо школьной системы оставались странники детского возраста и дети странниц.

Выводы

Таким образом, в 1921–1927 гг. – на первом этапе наступившего после окончания Гражданской войны мирного времени в самое свободное первое пятнадцатилетие советской власти (1917–1932 гг.), – когда государственного контроля в образовании еще не существовало, наряду с создаваемыми новыми школами продолжали функционировать прежние типы школ. В них учебный процесс был организован по-старому. В таких школах учи-

теля передавали детям мировоззренческое наследие своей религиозной или социальной группы. На Урале наиболее ярко это проявлялось у старообрядцев, казаков, толстовцев, мусульман и менонитов. В этих общностях учительницы, родители, школьники открыто отстаивали свои интересы в условиях проявления тенденции к универсализации образования. В обычных школах выявились группы новых учителей (в основном «красных учительниц») и более консервативно настроенных старых учителей, с дореволюционным образованием и стажем работы. Включение в учительский труд и школьную жизнь общественной работы рассматривалось либо как средство проведения принципиально неприемлемых идей, либо – в большинстве случаев – как излишнее обременение, поскольку она велась в свободное от работы время и не оплачивалась. Подобные протестные настроения и действия против вмешательства пролетарского государства были не часты, однако и не составляли исключения, представляя собой несоветский дискурс социально значимого поведения.

На втором этапе (с 1928 по 1932 гг.) эти тенденции в образовании усиливались, от учителей все настойчивее требовалось активное участие в агитационной, пропагандистской и другой общественной работе. Начавшиеся после 1927 г. новые процессы: поляризация общества (в связи с развертыванием коллективизации сельского хозяйства) и закрытие после 1932 г. обособленных школ, – привели к иным болевым точкам в столкновении менталитетов. Борьба мнений по вопросам о допустимости несоветского школьного образования в этих условиях затухает, ее острота сосредотачивается на кадровых проблемах и вопросах методики обучения в советской школе.

Литература

1. Блок, М. Короли-чудотворцы: Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии / М. Блок ; пер. с фр. и коммент. В. А. Мильчиной. – 2-е изд., доп. – М. : Наука, 1986. – 254 с.
2. Febvre, L. Le Problème de l'incroyance au XVIe. La religion de Rabelais / L. Febvre. – Paris : Albin Michel, Coll. L'évolution de l'humanité, 1942. – 548 p.
3. Dinzelbacher, P. Zu Theorie und Praxis der Mentalitätsgeschichte / P. Dinzelbacher // Europäische Mentalitätsgeschichte: Hauptthemen in Einzeldarstellungen ; ed. P. Dinzelbacher. – Stuttgart : Alfred Kroner Verlag, 1993. – S. XXI.
4. Sprandel, R. Mentalitäten und System: neue Zugänge zur mittelalterlichen Geschichte / R. Sprandel. – Stuttgart : Union, 1972. – 177 p.
5. Гуревич, А. Я. От истории ментальности к историческому синтезу / А. Я. Гуревич // Споры о главном. – М. : Наука, 1993. – С. 16–28.
6. Гуревич, А. Я. История в человеческом измерении. (Размышления медиевиста) / А. Я. Гуревич // Новое литературное обозрение. – 2005. – № 5 (75). – URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2005/5/istoriya-v-chelovecheskom-izmerenii.html> (дата обращения: 10.02.2024).
7. Пушкарев, Л. Н. Что такое менталитет? / Л. Н. Пушкарев // Отечественная история. – 1995. – № 3. – С. 158–166.
8. Селезнев, Р. С. Ментальная история классического Средневековья (XI–XV вв.) в отечественной историографии: Вторая половина XIX – начало 90-х гг. XX вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Р. С. Селезнев. – Кемерово : КГУ, 2006. – 26 с.
9. Шевяков, М. Ю. Менталитет (сущность и особенности формирования) : автореф. дис. ... канд. филос. наук / М. Ю. Шевяков. – Волгоград : ВГУ, 1994. – 23 с.
10. Пальцев, А. И. Менталитет и ценностные ориентации этнических общностей (на примере субэтноса сибиряков) : автореф. дис. ... канд. филос. наук / А. И. Пальцев. – Новосибирск : НГАСУ (Сибстрин), 1998. – 22 с.
11. Катаев, М. В. Бессознательное и менталитет: сущность, структура и взаимодействие : автореф. дис. ... канд. филос. наук / М. В. Катаев. – Пермь : ПГУ, 2000. – 20 с.
12. Семьян, Т. Ф. Особенности нарративной организации романа А. Матвеевой «Каждые сто лет: роман с дневником» / Т. Ф. Семьян, Л. В. Выборнова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2023. – Т. 23, № 4. – С. 106–111.
13. Разуев, А. В. Проявление национальной идентичности в живописи на примере произведений челябинских художников / А. В. Разуев // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2022. – Т. 22, № 3. – С. 67–75.
14. Бушмаков, А. В. Изменение ментальности городского населения российской провинции в конце XIX – начале XX века : автореф. дис. ... канд. ист. наук / А. В. Бушмаков. – Пермь : ПГУ, 2006. – 24 с.
15. Менталитет и культура предпринимателей России XVII–XIX вв. : сборник статей / под ред. Л. Н. Пушкарева. – М. : Институт российской истории РАН, 1996. – 215 с.
16. Гаврилов, Д. В. Менталитет екатеринбургской интеллигенции в 60–70-х годах XIX в. / Д. В. Гаврилов // Екатеринбург в прошлом и настоящем : материалы научной конференции, посвященной 270-летию города. – Екатеринбург : Банк культурной информации, 1992. – С. 32–35.
17. Змеев, М. В. Жизненный мир русской интеллигенции рубежа XIX–XX вв. На материалах Пермской губернии / М. В. Змеев. – Пермь : Изд-во ПГТУ, 2006. – 266 с.

18. Бандура, Н. В. Политическая и социально-психологическая эволюция народного учительства Вятской губернии: 90-е гг. XIX в. – 1914 г. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Н. В. Бандура. – Пермь : ПГУ, 2003. – 15 с.
19. Кирьянов, Ю. И. Менталитет рабочих России на рубеже XIX – XX вв. / Ю. И. Кирьянов // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций: 1861 – февраль 1917 г. – СПб. : Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1997. – С. 55–76.
20. Богданов, А. В. Восприятие иностранными рабочими и специалистами советской повседневности 1929–1933 гг. (на материалах ЧТЗ и ММК) / А. В. Богданов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2020. – Т. 20, № 3. – С. 17–20.
21. Трофимов, А. В. Экономические представления и модели поведения уральского населения (1945–1964 гг.) в историческом дискурсе / А. В. Трофимов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2016. – Т. 16, № 2. – С. 64–68.
22. Сперанская, А. Н. Общественная реакция на «дело врачей» (на материалах Челябинской области) / А. Н. Сперанская // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2019. – Т. 19, № 2. – С. 68–72.
23. Огурцов, А. П. Трудности анализа менталитета / А. П. Огурцов // Вопросы философии. – 1994. – № 1. – С. 51–52.
24. Доклад Политотдела штаба 3-й армии об организации политической работы в батальонах и полках (от 21 августа 1919 г.) // Общество и власть. Российская провинция. 1917–1905: Свердловская область. Документы и материалы. – Т. 1: 1917–1941 / гл. ред. В. В. Алексеев ; сост. Е. Ю. Баранов, Е. В. Вертилецкая, С. В. Воробьев и др. – Екатеринбург : Банк культурной информации, 2005. – С. 197–200.
25. Рыбалко, А. А. Этнокультурная и политическая история Южного Урала в эпоху средневековья и в новое время / А. А. Рыбалко, О. Е. Новикова // Аркаим. По страницам древней истории Южного Урала. – Челябинск : Крокос, 2004. – URL: <https://arkaim-center.ru/index.php/science/nashi-publikacii/etnokulturnaya-i-politicheskaya-istoriya-ujnogo-urala-v-epohu-srednev> (дата обращения: 30.01.2024).
26. Апкаримова, Е. Ю. Православные братства на Южном Урале в конце XIX – начале XX в. / Е. Ю. Апкаримова // Уральские бирюковские чтения. – Вып. 2. – Челябинск : ЧПУ, 2006. – С. 371–379.
27. Крупская, Н. К. В боях за свободу / Н. К. Крупская // Женщина – равноправный гражданин СССР : сборник статей и речей. – М. : Партиздат ЦК ВКП(б), 1937. – С. 3–9.
28. Государственный архив Курганской области (далее – ГАКО). – Ф. Р-2295. – Оп. 1. – Д. 2.
29. Воспоминания комсомолки 20-х годов Белых-Гавриловой Антонины Сергеевны // ГАКО. – Ф. Р-2275. – Оп. 1. – Д. 279. – Л. 3–5.
30. Государственный архив Свердловской области (далее – ГАСО). – Ф. Р-511. – Оп. 1. – Д. 426.
31. Объединенный государственный архив Челябинской области (далее – ОГАЧО). – Ф. П-1036. – Оп. 1. – Д. 5.
32. ОГАЧО. – Ф. П-334. – Оп. 2. – Д. 18.
33. ОГАЧО. – Ф. П-334. – Оп. 2. – Д. 19.
34. ОГАЧО. – Ф. П-267. – Оп. 1. – Д. 11.
35. Бюллетень III окружного съезда советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Свердловского округа. № 2. – Свердловск : Свердловский окрисполком : Уралполиграф, 1926. – 24 с.
36. Лагун-Неустроева, Е. Г. Мои воспоминания о школьных годах, проведенных с 1920 г. по 1925 г. в стенах школы № 30 / Е. Г. Лагун-Неустроева // ГАКО. – Ф. Р-2275. – Оп. 1. – Д. 280. – Л. 3–13 об.
37. Ильтенбаев, А. Ф. Галанова Лидия Андреевна / А. Ф. Ильтенбаев // Башкортостан : краткая энциклопедия. – Уфа : Башкирская энциклопедия, 1996. – С. 220–221.
38. Туберкулезный трехдневник. – 1923. – № 1 (16, 17, 18 февраля).
39. ОГАЧО. – Ф. П-77. – Оп. 1. – Д. 427.
40. ОГАЧО. – Ф. Р-1. – Оп. 3. – Д. 9.
41. Советская правда. – 1923. – 18 декабря.
42. Коми в 1920–1925 гг. : историческая хроника. URL: <http://www.tomovl.ru/komi/chronograph1921.htm> (дата обращения: 17.01.2024).
43. ЦДООСО. – Ф. 4. – Оп. 3. – Д. 598.
44. ГАСО. – Ф. Р-88. – Оп. 1. – Д. 127.
45. ГАСО. – Ф. Р-88. – Оп. 1. – Д. 801.
46. Белавин, Л. Г. История деревни Анатольская-Грань и станции Анатольская горнозаводской железной дороги / Л. Г. Белавин, И. Г. Белавина // XV Уральские бирюковские чтения. Вып. 2: Из истории Южного Урала и российских регионов. – Челябинск : ЧПУ, 2004. – С. 88–95.
47. О результатах обследования сельско-хозяйственного коллектива «Жизнь и труд» Есаульского сельсовета: докладная записка // Возвращение памяти. Историко-публицистический альманах. Вып. 2. Новосибирск. – 1994. – URL: http://az.lib.ru/t/tolstoj_lew_nikolaewich/text_0390.shtml (дата обращения: 12.12.2023).
48. Смирнова, Т. М. А. Ю. Рожков. В кругу сверстников. Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов : в 2 т. Т. 1. 406 с.; Т. 2. 206 с. Краснодар: ОИПЦ «Перспективы образования», 2002 / Т. М. Смирнова // Отечественная история. – 2005. – № 2. – С. 205–208.

Журавлева Вера Анатольевна – доктор исторических наук, доцент кафедры социально-правовых и гуманитарных наук, Южно-Уральский государственный университет, филиал в г. Златоусте, e-mail: zhuravlvera@yandex.ru. ORCID 0000-0002-1915-913X

Мирошниченко Мария Ильинична – доктор исторических наук, профессор, доцент кафедры отечественной и зарубежной истории, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: mmi74@yandex.ru. ORCID 0000-0003-0545-2359

Палецких Надежда Петровна – доктор исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин и русского языка как иностранного, Южно-Уральский государственный аграрный университет (Челябинск), e-mail: palenad@mail.ru. ORCID 0000-0001-5073-7914

Толстиков Виталий Семенович – доктор исторических наук, профессор истории, музеологии и документоведения, Челябинский государственный институт культуры (Челябинск), e-mail: tolstikov1937@yandex.ru. ORCID 0000-0001-7292-5588

Поступила в редакцию 10 марта 2024 г.

DOI: 10.14529/ssh240302

CONFLICT IN THE MENTALITIES OF WOMEN IN THE SCHOOL ENVIRONMENT IN THE URAL PROVINCE FROM THE 1920s TO THE MID 1930s

V. A. Zhuravleva¹, M. I. Miroshnichenko², N. P. Paletskikh³, V. S. Tolstikov⁴

¹The branch of South Ural State University, Zlatoust, Russian Federation

²South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

³South Ural State Agrarian University, Chelyabinsk, Russian Federation

⁴Chelyabinsk State Institute of Culture, Chelyabinsk, Russian Federation

This article discusses the mentalities of different categories of women associated with the school environment in the Ural province. It has been established that during the freest first fifteen years of Soviet power (in 1917–1932) at its first peacetime stage after the end of the Civil War (1921–1927), along with the new schools being created, the previous types of schools continued to function (Old Believer, Cossack, Tolstoyan, Muslim, Mennonite, etc.), in which the old educational process continued. Several groups were identified among teachers, parents, and schoolchildren, whose representatives defended their interests in the face of the tendency towards the universalization of education, the inclusion of social work in teachers' work and school life, which they considered either as a means of carrying out fundamentally unacceptable ideas, or as an unnecessary encumbrance. At the second stage (1928–1932), statist tendencies in education intensified and teachers were increasingly required to actively participate in agitation, propaganda, and other public work. Protest sentiments and actions against the intervention of the proletarian state were not frequent, however they did occur, representing a non-Soviet discourse of socially significant behavior.

Keywords: history of mentalities, mentality, “red teachers”, “sweatshirt”, “intellectuals”.

References

1. Blok M. Koroli-chudotvortsy: Oчерk predstavleniy o sverkh"yestestvennom kharaktere korolevskoy vlasti, rasprostranennykh preimushchestvenno vo Frantsii i v Anglii [Miracle-Working Kings: An Essay on the Ideas of the Supernatural Character of Royal Power, Mainly Prevalent in France and England]; per. s fr. i komment. V.A. Mil'chinoy. 2-e izd., dop. M.: Nauka, 1986. 254 s.
2. Febvre L. Le Problème de l'incroyance au XVIIe. La religion de Rabelais [The Problem of Unbelief in the 16th Century. Rabelais' Religion]. Paris: Albin Michel, Coll. The evolution of humanity, 1942. 548 s.
3. Dinzeltbacher P. Zu Theorie und Praxis der Mentalitätsgeschichte [On the Theory and Practice of the History of Mentalities] // *Istoriya yevropeyskogo mentaliteta: osnovnyye temy v otdel'nykh predstavleniyakh*; ed. P. Dinzeltbacher. Stuttgart: Alfred Kroner Verlag, 1993. P. XXI.
4. Sprandel R. Mentalitäten und System: neue Zungänge zur mittelalterlichen Geschichte [Mentalities and Systems: New Approaches to Medieval History]. Stuttgart: Union, 1972. 177 p.
5. Gurevich A.Y. Ot istorii mental'nosti k istoricheskomu sintezu [From the History of Mentality to Historical Synthesis] // *Spory o glavnom*. M.: Nauka, 1993. S. 16–28.

6. Gurevic A.Y. Istoriya v chelovecheskom izmerenii. (Razmyshleniya mediyevista) [History in the Human Dimension. (Reflections of a Medievalist)] // *Novoye literaturnoye obozreniye*. 2005. № 5 (75). URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2005/5/istoriya-v-chelovecheskom-izmerenii.html> (data obrashcheniya: 10.02.2024).
7. Pushkare L.N. Chto takoye mentalitet? [What is Mentality?] // *Otechestvennaya istoriya*. 1995. № 3. S. 158–166.
8. Seleznev R.S. Mental'naya istoriya klassicheskogo Srednevekov'ya (XI–XV vv.) v otechestvennoy istoriografii: Vtoraya polovina XIX – nachalo 90-kh gg. XX vv. [Mental History of the Classical Middle Ages (XI–XV Centuries) in Domestic Historiography: Second Half of the 19th century to the Early 1990s.]: avtoref. dis. ...kand. ist. nauk. Kemerovo: KGU, 2006. 26 s.
9. Shevyakov M.Y. Mentalitet (sushchnost' i osobennosti formirovaniya) [Mentality (Essence and Features of Formation)]: avtoref. dis. ...kand. fil. nauk. Volgograd: VGU, 1994. 23 s.
10. Pal'tsev A.I. Mentalitet i tsennostnyye oriyentatsii etnicheskikh obshchestv (na primere subetnosa sibir'yakov) [Mentality and Value Orientations of Ethnic Communities (Using the Example of the Siberian Subethnos)]: avtoref. dis. ...kand. fil. nauk. Novosibirsk: NGASU (Sibstrin), 1998. 22 s.
11. Kataev M.V. Bessoznatel'noe i mentalitet: sushchnost', struktura i vzaimodeystvie [The Unconscious and Mentality: Essence, Structure and Interaction]: avtoref. dis. ...kand. fil. nauk. Perm: PGU, 2000. 20 s.
12. Sem'yan T.F., Vybornova L.V. Osobennosti narrativnoy organizatsii romana A. Matveyevoy «Kazhdye sto let roman s dnevnikom» [Features of the Narrative Organization of A. Matveeva's novel "Every Hundred Years, a Romance with a Diary"] // *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnyye nauki*. 2023. T. 23, № 4. S. 106–111.
13. Razuyev A.V. Proyavleniye natsional'noy identichnosti v zhivopisi na primere proizvedeniy chelyabinskikh khudozhnikov [Manifestation of National Identity in Painting Using the Example of Works by Chelyabinsk Artists] // *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnyye nauki*. 2022. T. 22, № 3. S. 67–75.
14. Bushmakov A.V. Izmeneniye mental'nosti gorodskogo naseleniya rossiyskoy provintsii v kontse XIX – nachale XX veka [Changing the Mentality of the Urban Population of the Russian Province at the End of the 19th – Beginning of the 20th Century]: avtoref. dis. ...kand. ist. nauk. Perm: PGU, 2006. 24 s.
15. Mentalitet i kul'tura predprinimateley Rossii XVII–XIX vv. [Mentality and Culture of Russian Entrepreneurs in the 17th–19th Centuries]: sbornik statey / pod red. L.N. Pushkareva. M.: Institut Rossiyskoy Istorii RAN, 1996. 15 s.
16. Gavrilov D.V. Mentalitet yekaterinburgskoy intelligentsii v 60–70-kh godakh XIX v. [The Mentality of the Yekaterinburg Intelligentsia in the 60–70s of the 19th Century] // *Yekaterinburg v proshlom i nastoyashchem: materialy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 270-letiyu goroda*. Ekaterinburg: Bank kul'turnoy informatsii, 1992. S. 32–35.
17. Zmeyev M.V. Zhiznenny mir russkoy intelligentsii rubezha XIX–XX vv. Na materialakh Permskoy gubernii [The Life World of the Russian Intelligentsia at the Turn of the 19th–20th Centuries. Based on Materials from the Perm Province]. Perm: Izd-vo PGU, 2006. 266 s.
18. Bandura N.V. Politicheskaya i sotsial'no-psikhologicheskaya evolyutsiya narodnogo uchitel'stva Vyatskoy gubernii: 90-e gg. XIX v. – 1914 g. [Political and Socio-psychological Evolution of the People's Teaching in the Vyatka Province: 90s. XIX Century – 1914]: avtoref. dis. ...kand. ist. nauk. Perm: PGU, 2003. 15 s.
19. Kir'yanov Y.I. Mentalitet rabochikh Rossii na rubezhe XIX–XX vv. [The Mentality of Russian Workers at the Turn of the 19th–20th Centuries] // *Rabochiye i intelligentsiya Rossii v epokhu reform i revolyutsiy: 1861 – fevral' 1917 g.* SPb.: Russko-Baltiyskiy informatsionnyy tsentr BLITS, 1997. S. 55–76.
20. Bogdanov A.V. Vospriyatiye inostrannymi rabochimi i spetsialistami sovet'skoy povsednevnoy zhizni 1929–1933 gg. (na materialakh ChTZ i MMK) [Foreign Workers' and Specialists' Perception of Soviet Everyday Life in 1929–1933 (Based on Materials from ChTZ and MMK)] // *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnyye nauki*. 2020. T. 20, № 3. S. 17–20.
21. Trofimov A.V. Ekonomicheskiye predstavleniya i modeli povedeniya ural'skogo naseleniya (1945–1964 gg.) v istoricheskom diskurse [Economic Ideas and Models of Behavior of the Ural Population (1945–1964) in Historical Discourse] // *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnyye nauki*. 2016. T. 16. № 2. S. 64–68.
22. Speranskaya A.N. Obshchestvennaya reaktsiya na «delo vrachey» (na materialakh Chelyabinskoy oblasti) [Public Reaction to the "Doctors' Case" (Based on Materials From the Chelyabinsk Region)] // *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnyye nauki*. 2019. T. 19, № 2. S. 68–72.
23. Ogurtsov A.P. Trudnosti analiza mentaliteta [Difficulties in Analyzing Mentality] // *Voprosy filosofii*. 1994. № 1. S. 51–52.

24. Doklad Politotdela shtaba 3-y armii ob organizatsii politicheskoy raboty v batal'onakh i polkakh (ot 21 avgusta 1919 g.) [Report of the Political Department of the 3rd Army Headquarters on the Organization of Political Work in Battalions and Regiments (Dated August 21, 1919)] // *Obshchestvo i vlast'. Rossiyskaya provintsiya. 1917–1905: Sverdlovskaya oblast'*. Dokumenty i materialy. T. 1: 1917–1941; Gl. red. V. V. Alekseyev; sost. Y.Y. Baranov, Y.V. Vertiletskaya, S.V. Vorob'yev i dr. Ekaterinburg: Bank kul'turnoy informatsii, 2005. S. 197–200.
25. Rybalko A.A., Novikova O.Y. Etnokul'turnaya i politicheskaya istoriya Yuzhnogo Urala v epokhu srednevekov'ya i v novoye vremya [Ethnocultural and Political History of the Southern Urals in the Middle Ages and in Modern Times] // *Arkaim. Po stranitsam drevney istorii Yuzhnogo Urala*. Chelyabinsk: Krokus, 2004. URL: <https://arkaim-center.ru/index.php/science/nashi-publikacii/etnokulturnaya-i-politicheskaya-istoriya-yuzhnogo-urala-v-epokhu-srednev> (data obrashcheniya: 30.01.2024).
26. Apkarimova Y.Y. Pravoslavnyye bratstva na Yuzhnom Urale v kontse XIX – nachale XX v. [Orthodox Brotherhoods in the Southern Urals at the End of the 19th – Beginning of the 20th Centuries] // *Ural'skiye biryukovskiyе chteniya*. Vyp. 2. Chelyabinsk: CHSPU, 2006. S. 371–379.
27. Krupskaya N.K. V boyakh za svobodu [In the fights for freedom] // *Zhenshchina – ravnopravnyy grazhdanin SSSR*: Sb. st. i rechey. M.: Partizdat TsK VKP(b), 1937. S. 3–9.
28. Gosudarstvennyy arkhiv Kurganskoy oblasti (GAKO) [State Archives of the Kurgan Region (SAKR)]. F. R-2295. Op. 1. D. 2.
29. Vospominaniya komsomolki 20-kh godov Belykh-Gavrilovoy An-toniny Sergeyevny [Memoirs of Komsomol Member of the 20s Antonina Sergeevna Belykh-Gavrilova] // *GAKO*. F. R-2275. Op. 1. D. 279. L. 3–5.
30. Gosudarstvennyy arkhiv Sverdlovskoy oblasti (GASO) [State Archives of the Sverdlovsk Region (SASR)]. F. R-511. Op. 1. D. 426.
31. Ob'yedinennyy gosudarstvennyy arkhiv Chelyabinskoy oblasti (OGACHO) [United State Archives of the Chelyabinsk Region (USACR)]. F. P-1036. Op. 1. D. 5.
32. OGACHO [USACR]. F. P-334. Op. 2. D. 18.
33. OGACHO [USACR]. F. P-334. Op. 2. D. 19.
34. OGACHO [USACR]. F. P-267. Op. 1. D. 11.
35. Byulleten' III okruzhnogo s'yezda sovetov rabochikh, krest'yanskikh i krasnoarmeyskikh deputatov Sverdlovskogo okruga [Bulletin of the III District Congress of Soviets of Workers, Peasants and Red Army Deputies of the Sverdlovsk District]. № 2. Sverdlovsk: Sverdlovskiy okrispolkom: Uralpoligraf, 1926. 24 s.
36. Lagun-Neustroyeva Y.G. Moi vospominaniya o shkol'nykh godakh, provedennykh s 1920 g. po 1925 g. v stenakh shkoly № 30 [My Memories of my School Years Spent from 1920 to 1925 Within the Walls of School № 30] // *GAKO*. F. R. 2275. Op. 1. D. 280. L. 3–13 ob.
37. Il'tenbayev A.F. Galanova Lidiya Andreyevna [Galanova Lidiya Andreevna] // *Bashkortostan: kratkaya entsiklopediya*. Ufa: Bashkirskaya entsiklopediya, 1996. S. 220–221.
38. Tuberkuleznyy trekhdnevnik [Tuberculosis Three-day Diary]. 1923. № 1 (February 16, 17, 18).
39. OGACHO [USACHR]. F. P-77. Op. 1. D. 427.
40. OGACHO [USACHR]. F. R-1. Op. 3. D. 9.
41. Sovetskaya Pravda [Soviet Truth]. 1923. December 18.
42. Komi v 1920–1925 gg. Istoricheskaya khronika [Komi in 1920–1925 Historical Chronicle]. URL: http://www.tomovl.ru/komi/chrono_graph1921.htm (data obrashcheniya: 17.01.2024).
43. Tsentр dokumentatsii obshchestvennykh organizatsiy Sverdlovskoy oblasti (TSDOOSO) [Documentation Center for Public Organizations of the Sverdlovsk Region (DCPOSR)]. F. 4. Op. 3. D. 598.
44. GASO [SASR]. F. R-88. Op. 1. D. 127.
45. GASO [SASR]. F. R-88. Op. 1. D. 801.
46. Belavin L.G., Belavina I.G. Istoriya derevni Anatol'skaya-Gran' i stantsii Anatol'skaya gornozavodskoy zheleznoy dorogi [History of the Village of Anatolskaya-Gran and the Station of the Anatolskaya Mining Railway] // *XV Ural'skiye biryukovskiyе chteniya*. Vyp. 2: Iz istorii Yuzhnogo Urala i rossiyskikh regionov. Chelyabinsk: ChSPU, 2004. S. 88–95.
47. O rezul'tatakh obsledovaniya sel'skokhozyaystvennogo kollektiva «Zhizn' i truD» Yesaul'skogo sel'soveta: dokladnaya zapiska [On the Results of a Survey of the Agricultural Collective “Life and Work” of the Esaul Village Council: a Memorandum] // *Datsenko A G. Iz zhizni tolstovskikh kommun v Sibiri // Vozvrashcheniye pamyati. Istoriko-publitsisticheskiy al'manakh*. Vyp. 2. Novosibirsk, 1994. URL: http://az.lib.ru/t/tolstoj_lew_nikolaewich/text_0390.shtml (data obrashcheniya: 12.12.2023).
48. Smirnova T.M. A.Y. Rozhkov V krugu sverstnikov. Zhiznenny mir molodogo cheloveka v Sovetskoy Rossii 1920-kh godov: v 2 t. T. 1. 406 s.; T. 2. 206 s. Krasnodar: Perspektivy obrazovaniya, 2002 [A.Y. Rozhkov. Among Peers. The Life World of a Young Man in Soviet Russia in the 1920s. In 2 Vol. Vol. 1. 406 s.; Vol. 2. 206 s. Krasnodar: OIPTS “Prospects of Education”, 2002] // *Otechestvennaya istoriya*. 2005. № 2. S. 205–208.

Vera A. Zhuravleva – D. Sc. (History), Associate Professor of the Department of Socio-Legal Sciences and Humanities, the branch of South Ural State University (Zlatoust), e-mail: zhuravlvera@yandex.ru

Maria I. Miroshnichenko – D. Sc. (History), Associate Professor, Professor of the Department of Russian and Foreign History, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: mmi74@yandex.ru

Nadezhda P. Paletskikh – D. Sc. (History), Associate Professor of the Department of Social Sciences, Humanities and Russian as a Foreign Language, South Ural State Agrarian University (Chelyabinsk), e-mail: palenad@mail.ru

Vitaly S. Tolstikov – D. Sc. (History), Professor of the Department of History, Museology and Documentation, Chelyabinsk State Institute of Culture (Chelyabinsk), e-mail: tolstikov1937@yandex.ru

Received March 10, 2024

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Конфликт менталитетов в женской уральской провинциальной школьной среде в 1920-е – середине 1930-х гг. / В. А. Журавлева, М. И. Мирошниченко, Н. П. Палецких, В. С. Толстиков // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2024. – Т. 24, № 3. – С. 16–26. DOI: 10.14529/ssh240302

FOR CITATION

Zhuravleva V. A., Miroshnichenko M. I., Paletskikh N. P., Tolstikov V. S. Conflict in the mentalities of women in the school environment in the Ural province from the 1920s to the mid 1930s. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2024, vol. 24, no. 3, pp. 16–26. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh240302
